

О дороге

*Жена, как говорится, найдет себе другого,
Какого-никакого, как ты — не дорогого,
А дальняя дорога дана тебе судьбой,
Как матушкины слезы, всегда она с тобой.*

И я готов подписаться под этими строчками Булата Окуджавы. Мне без дороги нельзя. Так задалось с раннего детства. Бывает наоборот. Добродушный молдаванин, швейцар кишиневской гостиницы, выпроваживая (закончился срок брони на номера) нашу компанию, прибывшую за тридевять земель к другу на свадьбу, приговаривал: «Всегда так бывает в дороге. Обязательно неприятности, приключения. Мне вот жена всю жизнь предлагает куда-то съездить. Я не поддаюсь. Вот и вы, сидели бы дома. И ничего бы не случилось».

Ну, Молдавия маленькая, в те времена (1987 год) сытая, земля плодородная, климат благодатный, народ довольный... Искать нечего, ехать далеко неохота. Все покойно, привычно. Россия — большая, огромная. Разная. Остановиться трудно. Куда глаза глядят, туда и сердце манит. Пока есть силы, надо двигаться. Движение — жизнь. Дорога, значит, тоже.

На втором году курсирования между двумя городами, большим и малым, я стал с особым удовольствием жить именно в дороге. В городах меня ждали: работа, дела, семья, друзья, зрелища, книги — много чего... А в дороге — созерцание и обдумывание. Только мое, интимное.

Даже одна и та же дорога никогда не повторяется в своих проявлениях. Не бывает одинакового неба над ней, поля и леса меняются, живут, даже само дорожное полотно дышит, вспучивается, обращает на себя особое внимание. А что говорить о транспортных потоках, о страшных авариях, о человеческих драмах, о придорожных кафе, о шашлычниках, о лихих людях, о проститутках, о крестах и венках на обочине...

В дороге сознание выполняет примерно такую же роль, как во сне — подсознание. Плавно высвобождаешься из эмоций, переполнивших в точке отправления. Уходишь в себя. Поглубже. Потом накатывается встречная волна — впереди пункт назначения. Готовишься... Как к прыжку с обрыва. Отправиться в дорогу — сам по себе поступок, который что-то значит. Смысл дороги бесспорный. Это можно рассуждать о смысле оседлой жизни, а естественность движения не оспоришь.

Время в дороге дробится на вполне осязаемые составляющие, которые надо заполнить чем-то конкретным.

Часы, минуты становятся дороже. Значит, надо концентрировать свои силы на исполнении задуманного. Смена обстановки освежает, обостряет восприятие. Дает дополнительную энергию. Появляется ощущение запасного хода, лишнего козыря на руках. Думаешь о новом неосвоенном пространстве, о необходимости расширения своего ареала обитания. В дороге складывается план жизни.

Но дорога есть и спасение от реалий жизни. Если тебя оттолкнул город, или друзья, или семья... Если тебя преследуют неприятности, недоброжелатели, или власть, или бандиты... Что остается? Дорога. Я про это хорошо знаю. Поэтому по большому счету спокоен и всегда предчувствую, предвкушаю новую дорогу. Особенно остро тогда, когда подходит к концу та, которой живу в эту минуту.

Например, я думаю, что этот текст изменит мою жизнь, позовет в дорогу, возможно, дальнюю. Перед тем как начать писать, я посоветовался со своим старшим товарищем: «Максимиш, скажи, что мне делать? Чтобы книга удалась, она должна быть искренней. Но если я напишу искренне, то мне придется уезжать. Далеко-далеко...» — «Пиши искренне. И покупай билет...» Я последовал этому совету, но не для того, чтобы было потом на кого обижаться или сваливать вину за последствия. Просто не мог иначе.

И не потому, что такой уж весь принципиальный и праведный. По-другому просто нельзя писать о реальной жизни. Неоткуда, кроме как из повседневности, черпать силы или, как говорят маститые писатели, вдохновение. Ну, может, у фантастов и беллетристов как-то иначе, а у меня задача тривиальная: жить и писать так, чтобы не было стыдно перед собственным сыном. Главное — это. Остальное — второстепенно.

Хотя, может, я могу быть полезен какому-то коллективу, или населенному пункту, или даже государству. Которое, кстати, ждет-не дождется, когда кто-нибудь наконец сформулирует национальную идею, способную вдохнуть животворящую силу в обезверившийся народ. Но мы так долго и так безмерно вращали сами себе, что даже наступление нового тысячелетия не подвигло нас к тому, чтобы быть искренними. И купить билет в новую жизнь...